

КОЛЛЕКТИВИЗАЦІЯ И РЕЛИГІЯ.

«Коллективизація сельскаго хозяйства», осуществляемая коммунистами въ Сов. Россіи, является фактомъ и факторомъ не только соціального, но и духовнаго порядка. Коммунистическая власть въ своихъ домогательствахъ (особенно въ началѣ) «стопроцентной коллективизаціи», пожалуй, въ большей мѣрѣ подходила къ коллективизаціи, какъ къ фактору духовнаго (для коммунизма—психическаго) порядка, чѣмъ соціального, видѣла въ коллективизаціи психическій толчекъ къ насажденію «коммунистическихъ», «соціалистическихъ» навыковъ и настроеній, средство для искорененія «мелкособственнической психологіи крестьянства». Коллективизація должна была войти въ русскую дѣйствительность не только соціальнымъ потрясеніемъ, но и духовной катастрофой, стать смертью стараго, бурнымъ ростомъ новаго. Жизнь, какъ всегда, посмѣялась надъ «идеей» въ смыслѣ неосуществленія ожиданій коммунистовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень видоизмѣнилась подъ вліяніемъ «идеи». Коллективизація, можно думать, войдетъ въ жизнь русской деревни какъ моментъ рѣшительныхъ духовныхъ сдвиговъ, рожденія новаго самосознанія, новаго «духа исторіи» деревенской Россіи.

«Духовная» задача, намѣченная коммунизмомъ въ связи съ коллективизаціей, была поставлена ясно и «грандіозно»: «въ теченіе 1930 г. мы должны превратить нашу красную столицу — въ Москву безбожную, нашу деревню въ — безбожные колхозы» (БУС № 4, 30 г.

Сплошная коллективизація, «ликвидация кулачества, какъ класса «сразу и побѣдно должна была продвинуть страну къ социализму». Въ результатѣ «грандіознаго социалистическаго переустройства» избывая, соломенно-крестьянская Русь, съ «анархіей мелкихъ и мельчайшихъ индивидуальныхъ хозяйствъ» должна была стать «планово социалистическимъ секторомъ».

Предвосхищая полное и окончательное осуществленіе «социалистическаго рая», коммунисты — особенно въ безбожной

прессѣ — грезилы о новыхъ городахъ-деревняхъ, деревняхъ-садахъ, съ асфальтовыми мостовыми, съ рядами ажурныхъ желѣзныхъ мачтъ осуществленной электрофикаціи, съ вереницами машинъ, сверкающихъ красками и маслянистымъ блескомъ металлическихъ частей, гдѣ царить бодрое волевое напряженіе коллективнаго труда, и гдѣ человѣкъ, растворившійся и самоупразднившійся въ коллективѣ, точенъ и исполнительенъ, какъ самая усовершенствованная машина.

«Большевицкіе темпы», «соціалистическая рационализація хозяйства», основанная на точныхъ данныхъ науки, опредѣляющихъ все — отъ удобренія, нужнаго для данной почвы, до погоды на завтра, широкое примѣненіе тракторовъ, предстоящая въ ближайшемъ будущемъ полная механизация сельско-хозяйственнаго труда — мечтали мастера планированія, — вызоветъ небывалый расцвѣтъ производительныхъ силъ страны: золотые потоки ржи, пшеницы зальютъ СССР; «фабрики животноводства» (спеціальные питомники убойнаго скота), «молочно-племенные станціи» и прочее — довершатъ превращеніе СССР въ сказочный край, «гдѣ все обильемъ дышитъ».

«Красные уголки», марксистски выдержанная, «отвѣчающая соціальному заказу литература», теннисъ, воллей-болъ, футболъ, всѣ обольщенія физкультуры, радіо, клубы, «соціалистическій энтузіазмъ», радость тѣсной связи съ коллективомъ, перспективы блаженнаго отдыха на солнечномъ пригрѣвѣ на берегу Чернаго моря, или премированія поѣздкой за границу и т. д. заполняютъ досуги, «покроютъ и перекроютъ» всѣ духовныя потребности.

«Пророки» коллективизаціи напряженно и страстно ожидали чуда рожденія иной человѣческой породы, людей съ иной психикой, съ инымъ бытомъ, породы, которая будетъ творить все заново и по новому «безъ Бога, но съ машиной».

Коллективизація «желѣзной метлой», пророчествовали они, вымететъ изъ сознанія, изъ быта «кулацкую и поповскую нечисть». Въ коллективизированной и электрофицированной деревнѣ Богу не будетъ ни уголка, ни щелочки; мощь техническаго прогресса, уничтоживъ зависимость человѣка, его хозяйствованія, отъ случайностей игры силъ природы, безъ остатка выпаритъ, выжжетъ вѣру въ Бога...

«Матушка Царица небесная — кричитъ на карриатурѣ лысый, толстенькій человѣчекъ, не то въ ночномъ халатѣ, не то въ аттическомъ хитонѣ, обгорающій на проводахъ электрической установки — (символизирующій Бога) — «спаси сгораю, на какую то линію электрофикаціи напоролся» (БУС № 13, 1930 г.) «Окончательно пропаду я, братцы, горестно жалуется обрюзглый съ отвисающимъ животикомъ старикашка своимъ

соратникамъ «попу и кулаку», — съ этой большевистской арифметикой, какъ пить дать пропаду» (БУС 15. VIII. 1931). «Изъ подъ гранитныхъ камней социалистической стройки никакіе Христы не встанутъ» (БУС № 6, 13-ый годъ), въ этомъ безбожники были твердо убѣждены.

Религія и «социалистическая деревня» — одна возможность такого сочетанія казалась настолько дико-несуразной, немислимой, что тутъ уже и отвѣчать то нечего — можно только посмѣяться надъ наивностью, допускающей возможность такой нелѣпцы.

«Воинствующій безбожникъ, — усмѣхается «Безбожникъ у станка» — самъ понимаетъ, что колхозъ съ церковью и попомъ — это нѣчто достойное юмористическаго журнала (БУС № 2, 13-ый годъ). «Новой деревнѣ церковь не нужна».

Грезя о «новой деревнѣ», гдѣ электрофикація спалила Бога, реформаторы трезво учитываютъ, что «религіозные предразсудки» еще прочно владѣютъ «психикой», что много еще потребуется организованнаго труда, напряженныхъ усилій, прежде чѣмъ удастся отправить Бога въ крематорій электрофикаціи и коллективизаціи для окончательнаго сожженія. Коллективизація создаетъ благопріятныя объективныя предпосылки, производитъ соотвѣтствующіе сдвиги въ сознаніи и бытѣ... Безбожники должны учесть, оформить и углубить эти сдвиги; отчеканить въ точныхъ кованныхъ формулахъ безбожія смутныя предчувствія нарождающейся новой деревни. «Пятилѣтнему колхозному строительству должна сопутствовать (и сопутствовала) пятилѣтка углубленной и массовой пропаганды атеизма» (БУС 15-12, 13-ый годъ). Кромѣ «теоретической проработки», была намѣчена и опредѣленная очень ясная и радикальная-практическая программа. «Сплошная коллективизація — писалъ БУС — требуетъ отъ воинствующихъ безбожниковъ рѣшительной постановки вопроса о закрытіи церквей, мечетей, синагогъ, баптистскихъ, евангелическихъ и т. п. помѣщеній, переплавки колоколовъ на полезныя вещи» (БУС — 13 годъ).

Разсчетъ безбожниковъ — «творцовъ новаго человѣка» — казалось, былъ сдѣланъ вѣрно. Коллективизація, превращавшая деревянную Русь въ секторъ «строящагося социализма», одновременно и попутно была «ликвидацией, на основѣ именно этой коллективизаціи, кулака, какъ класса». Одинъ изъ комсомольцевъ на политпровѣрочномъ часѣ на вопросъ, что такое кулакъ, отвѣтилъ: «Опредѣлить не могу, а въ жизни отличить всегда сумѣю». Отвѣтъ былъ одобренъ, какъ «классово выдержанный». Въ практикѣ «ликвидации кулака, какъ класса на основѣ коллективизаціи» это вдохновенное — нутряное — «отличить всегда сумѣю» превратилось въ организованно-методиче-

ское раззореніе всѣхъ мало мальски состоятельныхъ и хозяйственныхъ слоевъ дерени, раззореніе съ упоительнымъ сознаниемъ, что съ небывалыми темпами и размахомъ трудятся надъ построениемъ свѣтлаго дворца социализма. Кулака ликвидировали основательно — землю, скоть, инвентарь обобществляли, домъ забирали для «культурныхъ надобностей», а раззоренному классовому врагу предлагали надѣль гдѣ-нибудь на болотѣ или среди сыпучихъ песковъ — «накопляй, молъ». Это еще исходъ, «такъ сказать на хорошій конецъ». Въ большинствѣ случаевъ просто отправляли съ семьей на лѣсозаготовки, ссылали въ концентраціонные лагеря.

По отдѣльнымъ районамъ «начальство» требовало — «къ такому то числу закончить стопроцентную коллективизацію». Уцѣлѣвшихъ отъ всероссійскаго погрома, именуемаго «ликвидацией кулачества», въ ударномъ порядкѣ переводили на положеніе счастливыхъ гражданъ страны «осуществившей уже социализмъ», доносили о томъ, что «волна колхознаго энтузіазма» на нѣтовой землѣ выростила небывалые цвѣты...

«Энтузіазмъ колхознаго строительства» — былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и энтузіазмомъ «бурно растущаго безбожія»... Какъ правило въ районахъ сплошной коллективизаціи — а начальство всякаго района стремилось всякими правдами и неправдами къ тому, что бы именно его районъ оказался первымъ среди осуществившихъ коллективизацію «на сто процентовъ» — закрывали церкви, иконы изъ домовъ выбрасывали или сжигали, духовенство «выселяли», ссылали и т. д....

Наиболѣе религіозно и морально стойкая часть крестьянства, жертвенно и мужественно поддерживавшая церковь, объявлена кулачествомъ и, въ качествѣ такового, оказалась подлежащей беспощадной ликвидации всѣми способами и мѣрами. Духовенство поставлено въ такія правовыя и культурныя условія, что почти не имѣло возможности существовать — лишено правъ на жилплощадь, на продовольственныя карточки, вынуждено оставлять дѣтей безъ образованія, терроризировано непрекращающимися арестами, ссылками, разстрѣлами... Напомнимъ, что первый періодъ коллективизаціи вплоть до знаменитой статьи Сталина отъ 2 марта 1930 г. «О головокруженіи отъ успѣховъ» былъ поводомъ вспышки остраго террора противъ духовенства и вообще противъ церковниковъ.

Въ это время сов. печать почти еженедѣльно сообщала о примѣненіи «высшей мѣры социальной защиты» по отношеніи къ «мракобѣсамъ».

Въ минуту, дѣйствительно, бурнаго натиска «новыхъ идей», коренной и насильственной ломки вѣкового уклада, грандіозной, жестокой и фанатически-последовательной бытовой

и хозяйственной революціи, въ результатѣ которой страна должна была немедленно и въ цѣломъ отъ «сохи-ковырялочки» перейти къ самымъ что ни на есть новѣйшимъ достижениямъ технического прогресса, и осуществить социализмъ, деревня оказалась обезсиленной и обезглавленной. Казалось, можно было быть увѣреннымъ почти «на всѣ сто процентовъ», что деревня не устоитъ въ этомъ страшномъ и бурномъ вихрѣ, что коллективизация въ самомъ недалекомъ будущемъ поведетъ къ полному духовному плѣненію деревни, къ превращенію народа въ «человѣческую икру»...

«Безчисленные факты, писали безбожники въ это время — говорятъ о громадномъ антирелигіозномъ движеніи. Къ новой безбожной жизни пробуждаются колоссальные районы. Краснопольскій, объединяющій три громадныхъ района, въ которые входятъ 22 села, 107 населенныхъ деревень съ 37 тысячами жителей, объединился, организовалъ коллективное хозяйство и устроилъ скромные, но торжественные «проводы Господа Бога»: колхозники сняли колокола съ церкви, собрали въ кучу 20 тысячъ иконъ и сожгли ихъ. Предварительно сняли съ иконъ вѣнчики и послали ихъ на... утиль» (БУС № 6, 13 годъ).

«Можайскій районъ, сообщали они — районъ сплошной коллективизации. Здѣсь одна деревня за другой выносятъ постановленія закрыть церкви за ненадобностью... Даже нѣкоторые старики и старухи на собраніяхъ кричатъ: «Намъ церковь не нужна, идемъ въ колхозъ. Довольно терять время и кормить лодырей поповъ».

Изрѣдка, среди побѣдныхъ сообщений о массовомъ отказѣ населенія отъ религіи, подтверждаемомъ высокой цифрой закрываемыхъ церквей, молитвенныхъ домовъ, синагогъ, появлялись замѣтки о томъ, что въ томъ или другомъ районѣ при закрытіи разыгрывались бои, происходили убійства (Кимры, Клинь, Токмаковскій округъ, Иваново), что населеніе недѣлями несло карауль около храмовъ, чтобы отстоять ихъ отъ закрытія... Но эти сообщенія тонули въ общемъ гулѣ преуспѣвающаго безбожія... Знаменитая статья Сталина отъ 2 марта 1930 года «о лѣвыхъ загибахъ», циркуляръ ЦКВКП(б) отъ 15-го марта и послѣдовавшая за этимъ «самокритика» пріоткрыли обратную сторону «побѣднаго продвиженія къ социализму и массовому безбожію». Безбожники въ порядкѣ самокритики «принесли покаяніе»: засвидѣтельствовали о наличіи въ практикѣ насажденія безбожія и уничтоженія церквей цѣлаго ряда грубыхъ ошибокъ административнаго произвола и насилія, повѣдали о многочисленныхъ случаяхъ «головокруженія отъ успѣховъ» и въ связи съ этимъ «лѣвыхъ загибовъ». Насильственное закрытіе молитвенныхъ зданій если не прекратилось, то въ значительной

мѣръ сократилось, стало обставляться хотя бы видимостью соблюдения какой то «законности». Внѣшній терроръ противъ духовенства былъ ослабленъ; система «культурнаго удушенія религіи», особенно остро задѣвавшая прежде всего «служителей культа», продолжала существовать, но наиболѣе язвящее острие этой системы — систематическое и неуклонное блюденіе буквы ея какъ будто временно притуплено.

Однако было бы глубоко невѣрно и легкомысленно упрощать многосложный бездонно-глубокій процессъ совершающихся въ Россіи катастрофическихъ сдвиговъ, великихъ духовныхъ паденій и возстаній, сводить его только къ механической игрѣ и дѣйствию внѣшнихъ причинъ, ограничиться только его поверхностностью. Душа народа взволнована до послѣднихъ глубинъ, и происходящее на поверхности расходящимися и возрастающими въ своей напряженности волнами, идетъ вглубь, затрагивая все новыя и новыя струны, вызывая къ бытію дремлющія силы, порождая неожиданные внутренніе резонансы...

Содрагается, мучится и ищетъ выхода, правды вся жизнь... Воинствующій коммунизмъ въ своей страстной одержимости развилъ и развиваетъ огромную, пусть отрицательную, но духовную энергію. Она не только отталкиваетъ или заставляетъ приспособиться, но и плѣняетъ, овладѣваетъ душой до иступленія, до замиранія сердца въ веселящемъ, иголочками пронзающемъ все существо, ужасѣ дерзости, вызова, кощунственнаго попраганія — съ измывательствомъ, съ озорствомъ — всего, что вчера чтилось, что вчера было, и, быть можетъ, окажется завтра — послѣдней святыней, около которой сердце въ трепетѣ и слезахъ любви не дерзало и дышать. Безбожіе, несомнѣнно, имѣло не только внѣшній, но и внутренній успѣхъ, хмелевымъ виномъ, темной, горько-отравной радости, — радости разрушенія, злобы, издѣвательскаго поруганія — напоило сердца многихъ. Дерзкая — или надрывная, или злобящаяся, — смѣлость безбожниковъ, молодой, веселый задоръ комсомола, та возбуждающая, гипнотизирующая сила, которая вспыхиваетъ въ массовомъ движеніи нашли откликъ въ народной душѣ, захватили многихъ.

«Въ день закрытія церкви», — рассказываетъ о такомъ массовомъ движеніи «Безбожникъ у станка» — «дѣти на площадь приходятъ первыми. Утро сѣрое, небо мутное, слезливое. «Родъ человѣческой» туго забилъ всю площадь, плотнымъ валомъ обступилъ церковную ограду и старается во что бы то ни стало прорваться впередъ.

Во дворъ въѣзжаютъ первыя подводы, входятъ рабочія бригады. Открываютъ дверь церкви.

Бригады принимаются за работу. Одни очищаютъ церковь

отъ хлама, другіе проводятъ электричество, третьи снимають на крышѣ кресты. Первый крестъ у входа въ церковь вырванъ легко и просто. На его мѣсто вставленъ красный флагъ. Полотнище развивается и бьетъ по церковной стѣнѣ. Но на углахъ крыши работающія бригады ловко затягиваютъ петли на остальные кресты. Сверху раздается «тяни». Группа рабочихъ, молодежи ухватилась за веревку. Р-рразъ. Крестъ сгибается медленно. Еще разъ. Крестъ вытягивается книзу, и выданный изъ гнѣзда, падаетъ на землю. Пionеръ подходитъ къ учительницѣ и показывая на верхъ, гдѣ на большой высотѣ у самага большого креста работаетъ человекъ, озабоченно говоритъ ей: «Надо бы ему сказать, чтобы осторожнѣй былъ. Сорвется — тогда говорить будутъ: «Это Богъ наказаль».

Со двора одна за другой подводы вывозятъ рухлядь.

Демонстрація, разступившись, пропускаетъ ихъ, внимательно разглядывая спадающій шикарный хламъ, золотистыя кружева украшеній, смятыя хоругви.

Нѣкоторые киваютъ головой на подводы, весело улыбаются. Другіе смотрятъ грустно и разочарованно. Какъ будто имъ показали декораціи, по которымъ снималась сильно волновавшая, растрогавшая ихъ картина! — И это все... Дѣти смотрятъ на хламъ безъ любопытства, съ холоднымъ безразличіемъ. Они не смѣются и не грустятъ. Вѣдь все это очень просто и понятно. Намъ надо попросить себѣ ризу, а то когда поповъ играть, то ничего нѣтъ». — А куда все везутъ? — На свалку. Жечь будутъ. Вотъ ка-ар-тина. «Не все: только барахло и иконы сожгутъ». Среди ребятъ разгарается споръ. Большая часть стоитъ за то, чтобы не жечь, передать въ кочегарку или на паровозъ.

Рухнулъ самый большой крестъ. Толпа закричала, захлопала. Ур-рр-ра. Опять таки рабочіе передъ церковью сняли шапки. На церкви, однако, уже развѣвался красный флагъ. Съ колокольни уже гудѣлъ интернаціональ. Каменщики быстро разобрали «царскія врата», убрали рухлядь, маляры замазали лики боговъ, делегатки почистили окна, подмели полъ, и веселые бригадники пустились въ плясъ.

Съ колокольни подали послѣдніе колокола, къ флагамъ подняли красныя электрическія звѣзды... Демонстрація направилась въ степь.

— Нема церкви, — сказалъ кто-то, наивно ухмыляясь...

— Нема. Была и не стала, — подтвердилъ другой... Ми-ишка... прокричалъ надъ ухомъ метнувшійся въ сторону мальченка, бѣжимъ смотрѣть, какъ боговъ жечь будутъ...

Костеръ вспыхнулъ мгновенно. Груды иконъ сразу со всѣхъ сторонъ обняло пламенемъ, и она ярко запылала. Костеръ толпа обступила такъ тѣсно, какъ только близко можно подойти

къ огню, чтобы не обжечься. Надъ головами висятъ разноцвѣтные плакаты, флаги. Одинъ черный.

— Братишка, — и ты здѣсь. Зачѣмъ ты позавчера на пятомъ бузиль?

Это я такъ, смущенно отвѣчаетъ уже немолодой парень въ вывѣтренной папахѣ. «Братишка» позавчера былъ единственнымъ чловѣкомъ, кто на антирелигіозномъ диспутѣ на пятомъ рудникѣ выступалъ противъ закрытія церкви и массового сожженія иконъ, а сегодня онъ «передумалъ». Онъ увлеченъ общимъ движеніемъ. Захваченъ общимъ потокомъ. Въ пути смылись остатки привязанности. Всѣ мелкія соображенія. Онъ такой-же, какъ и всѣ. Вѣдь на ртутномъ рудникѣ, послѣ антирелигіознаго вечера, шахтерами въ теченіе двухъ часовъ было снесено къ шахтному комитету 160 иконъ. На диспуты, на антирелигіозные вечера, проходившіе въ послѣднее время въ большомъ количествѣ, приходило каждый разъ по нѣскольку тысячъ чловѣкъ. До отказа забивали зрительный залъ, балконы, тѣснились за дверьми...

Двадцать пять лѣтъ проработавшій на горловскомъ машиностроительномъ заводѣ рабочій принесъ въ завкомъ иконы съ «препроводительной запиской». Записку писалъ онъ самъ: «При семь препровождаю подъ своимъ личнымъ конвоемъ на всесожженіе на свалку святыхъ апостоловъ Петра и Павла и прочихъ мелкихъ боженятъ. Сегодня убѣдившійся во вредѣ религіи Антоновъ».

И вотъ идетъ всесожженіе. Лежатъ небрежно брошенные въ кучу смѣшныя чудаки «Петры», «Павлы» и прочіе. «Боги на свалкѣ». Люди смотрятъ на нихъ безъ сожалѣнія, даже безъ насмѣшки.

Въ сторонѣ подъ гармошку, подъ оркестръ пляшутъ шахтеры, дѣды рудничныя, пожилыя женщины.

Четыре тысячи иконъ превратились въ пепель. Нѣсколько тысячъ шахтерскихъ семействъ окончательно порвали съ религіей, сожгли, уничтожили напоминаніе о позорномъ невѣжественномъ прошломъ, а дѣтей шахтеровъ это даже не удивляетъ. Для нихъ это уже само собой понятно.... Мимо догорающаго костра непрерывно движутся рабочія колонны. Въ сторонѣ гремятъ оркестры, играетъ рудничная молодежь. Весело смѣются дѣти. Улыбаются старики. (Безб. у станка № 10, май 1930 г.).

«Антоновыхъ» — молніеносно и радикально «сегодня убѣдившихся во вредѣ религіи» были сотни, а можетъ быть и тысячи. Сцены сожженія иконъ, подобныя сожженію иконъ въ Горловкѣ, повторялись и въ другихъ мѣстахъ. Духовный обликъ деревни сталъ смутнымъ, противорѣчивымъ, двоящимся. Глубокій и чистый религіозный порывъ, жажда чуда, готовность за сотни

версть идти куда угодно, лишь бы осязательно, тѣлесно соприкоснуться съ чудеснымъ, или даже просто съ таинственнымъ, преклоненіе передъ невѣдомыми «странниками», «провидцами», «чудотворцами», ожиданіе скорого конца міра, настроенность, при которой богато цвѣтутъ легенды, сама жизнь часто превращается въ творимую легенду, переплетаются и уживаются съ самымъ дерзкимъ, безумно отчаяннымъ кощунствомъ, лихой присядкой въ разгромленной церкви, «плясомъ дѣдовъ и старухъ» вокругъ костра изъ пылающихъ иконъ. Напряженное томленіе сегодня вдругъ «разрѣшается» мгновенной легкостью, удивленно-растеряннымъ — «намъ безъ Бога жить стало весело» (частушка), а завтра смѣняется «терновымъ вѣнцомъ изъ колючей проволоки, изъ подъ котораго сочится кровь». («Комсом. Правда» № 170, 31 года), — рассказъ объ активистѣ комсомольцѣ, ставшемъ послушникомъ).

Возникло много странныхъ сектъ, усумнившихся въ силѣ и дѣйственности любви, увѣровавшихъ въ Бога, какъ Бога мести, гнѣва, освятившихъ насиліе, какъ высшую религіозную правду.

«Поздній черный вечеръ», — рассказываетъ корреспондентъ «Безбожника у станка»: — «Кривая, молчаливая улица. Мой спутникъ напряженно долбитъ кулакомъ въ дребезжащую дверь.

— Кто тамъ?

— Свои.

Темно, три ступеньки вверхъ, дверь направо. Тѣсная слабо освѣщенная комната мелькаетъ на ходу пузатымъ комодомъ и многоподушечной кроватью. За ней другая больше. Окна плотно завѣшаны. На столѣ чадитъ кухонная чадилка. Сидящій около нея человѣкъ въ пиджакѣ и вышитой рубашкѣ на выпускъ вскидываетъ на насъ безстрастные пустые глаза. И сразу опускаетъ ихъ въ развернутые листы лежащаго передъ нимъ фоліанта.

— Садитесь, — шепчетъ старуха. Повинуемся, осматриваясь. Кругомъ человѣкъ десять. Больше женщины. Трое мужчинъ въ картузахъ и кэпи. Не то служащіе, не то «торгуемъ по маленькой». Кругомъ молчаніе, напряженность. Человѣкъ за столомъ читаетъ нараспѣвъ....«Придутъ на тебя всѣ проклятія сіи и постигнутъ тебя. Проклять ты въ городѣ и проклять ты въ полѣ, прокляты житницы твои и кладовыя твои, проклять плодъ чрева твоего и плодъ земли твоей, проклять ты при входѣ твоёмъ и проклять ты при выходѣ твоёмъ». (Библія. Второзаконіе, глава 28, стр. 15—22).

Человѣкъ замолкаетъ, рѣзко захлопываетъ книгу и вдругъ, вытягивая впередъ руку, высоко, съ привизгомъ кричитъ: «Доколѣ не погибнешь». Затѣмъ театральнымъ жестомъ роняетъ кудлатую голову на руки, скрывая лицо, и сидитъ такъ непод-

вижно и мрачно. Кругомъ вздыхаютъ и всхлипываютъ себѣ въ ладони. Молчаніе. Человѣкъ снова приподымается и говорить тихо, съ фальшивымъ ужасомъ, закатывая бѣлки: — «Бога бойтесь. Іегову грознаго да убоимся». Потомъ послѣ длинной паузы задумчиво прибавляетъ: «Миръ вамъ... закончимъ, братья. Нѣсколько мгновений сектанты сидятъ неподвижно, затѣмъ встаютъ и, не прощаясь другъ съ другомъ, поспѣшно уходятъ... Такъ молятся сектанты іеговствующіе. Секта образовалась въ Касимовѣ около двухъ лѣтъ назадъ. Секта организована главнымъ образомъ въ видѣ крошечныхъ семейныхъ ячеекъ. За послѣднее время проповѣдники іеговистовъ перенесли свою пропаганду на село. На своихъ собраніяхъ они говорятъ о взаимныхъ бичеваніяхъ, фигурируетъ адъ, второе пришествіе и т. д. Вся ихъ пропаганда носить болѣе или менѣе прикрытый антисовѣтскій характеръ» («Безбож. у станка», № 27 — 15 мая 1930 года).

«Въ лѣсной глуши», — сообщаетъ другой корреспондентъ: «Вятскаго округа недавно открыта новая секта подъ названіемъ — истинно странствующіе христіане-подпольщики. Секта охватывала свыше 2 тысячъ человѣкъ, въ ней преобладали женщины. Сектанты жили въ кельяхъ, гдѣ и проводили свою «духовную дѣятельность». Секта разбивалась на группы, имѣвшія строго опредѣленныя функціи. На одну группу возлагалась обязанность вербовать новичковъ и принимать странствующихъ, другая занималась агитаціей, третья перевозкой сектантовъ и странствующихъ, четвертая вѣдала связью и перепиской. Для укрѣпленія своего финансоваго положенія секта образовала лжекооперативную артель «любителей труда». Вновь вступающіе отдавали сектѣ часть своего имущества, дѣлали всякаго рода пожертвованія. При кельяхъ на всякій случай имѣлись тайники, подполья, въ которыхъ укрывались дезертиры и антисовѣтскіе элементы. Въ нѣкоторые тайники можно было попасть только черезъ настиль уборной. Особенно оберегался штабъ секты, находившійся среди непроходимыхъ болотъ. Домъ, гдѣ помѣщался штабъ, имѣлъ много входовъ и выходовъ, двери и переборки на шарнирахъ, что давало возможность быстро маскировать комнаты.

Сущность ученія этой секты глубоко контрреволюціонная. Идеаль, къ которому долженъ стремиться человѣкъ — это вѣчное моленіе и пропаганда слова Божія, — учили «пророки» изъ секты подпольщиковъ: Соввласть противна міру Божьему, надо уйти отъ «міра антихриста» и не повиноваться власти, яко не отъ Бога данной и не платить налоговъ, отказаться отъ воинской службы и т. д. Особенно противились руководители секты службъ въ Красной арміи. Мужчинъ-сектантовъ скрывали отъ постороннихъ. Подростковъ мужскаго пола, которые попадали

въ лапы этихъ «братцевъ», прятали по кельямъ, распускали слухи, что они умерли. Такимъ образомъ ихъ скрывали отъ военнаго учета.

Сектанты выступали противъ обученія дѣтей въ школахъ, запрещали читать книги, ходить на всякія собранія, посѣщать театръ, кино и т. д. Они всячески отрицали медицину, указывая, что здоровье человѣка зависитъ исключительно отъ воли Божьей. Больные и здоровые содержались вмѣстѣ. Медицинскую помощь замѣняли крещеніемъ.

Въ своемъ распоряженіи сектанты имѣли пишущую машинку, стеклографъ и шрифтъ. Благодаря этому идеи и наставленія сектантовъ распространялись въ большомъ количествѣ въ печатномъ видѣ! («Безбожникъ у станка», № 11. 1930).

Эсхатологическія настроенія — ожиданіе конца міра — становятся своеобразной формой социальнo-политическихъ утвержденій, видомъ активной борьбы за новую, чаемую праведную дѣйствительность. Большевики — антихристовы дѣти. Человѣческими силами ихъ не побѣдить. Только пламенный мечъ Архангела Михаила можетъ сразить древняго дракона.

Неожиданно ожила мистика монархіи. Михаилъ-Архангелъ сливается съ Михаиломъ-Царемъ — бѣлымъ, православнымъ, въ небесно-земное существо, полу человѣка, полу ангела. Онъ явится и поразитъ силу змія-дѣвола — большевиковъ.

«Въ 1931 году въ Москвѣ была раскрыта контрреволюціонная секта «краснодраконовцевъ». Секта существовала съ 1921 года. Представители ея разъѣзжали по СССР съ агитаціей и пропагандой о скоромъ пришествіи Христа и царя Михаила. Во главѣ этой секты стояли: бывший торговецъ Савельевъ Петръ Алексѣевичъ, Цыганковъ Илья Петровичъ. Оба говорили, что они посланники неба. Первый выступилъ подъ видомъ «пророка Георгія Побѣдоносца и Распутина», а второй изображалъ наслѣдника Николая II Алексѣя. Секта краснодраконовцевъ состояла въ Москвѣ изъ 50 человѣкъ. Собранія происходили на квартирахъ послѣдователей. Въ составъ организациі были вовлечены нѣкоторые рабочіе, работницы, домашнія хозяйки и т. д. Работница Дѣдовской фабрики, Воскресенскаго района Анна Тугаринова развелась съ мужемъ только потому, что онъ не ходилъ въ церковь. Проповѣдники краснодраконовцы разъѣзжая по СССР выступали въ проповѣдяхъ противъ колхозовъ, совхозовъ, коммунъ, непрерывки, пятилѣтки и т. д. Основная задача этой секты сверженіе совѣтской власти. Особенно развернулась дѣятельность краснодраконовцевъ въ связи съ крестовымъ походомъ Папы Римскаго и антисовѣтскими выступленіями бѣлогвардейцевъ за границей. Незадолго до 13-го марта главари проповѣдники агитировали: «Наступаетъ второе пришествіе,

идеть Спаситель, возвращается царская власть, во главѣ станеть Михаилъ. Эта власть раньше всего перевѣшаетъ коммунистовъ». На вечерахъ, которые устраивались сектой, Савельевъ произносилъ молитву «за благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго нашего Государя Михаила Александровича». У краснодраконовцевъ были свои реликвіи: желѣзная метла и деревянная лопата, которыя имѣли символическое значеніе. Краснодраконовцы говорили: «Придетъ Господь, расчиститъ гумно, развѣетъ прахъ по всему міру. Лопата и метла должны были служить «орудіемъ производства» Господу Богу. Деревянные палки, на которыхъ было много сучковъ, служили якобы для того, чтобы на каждомъ сучкѣ вѣшать коммунистовъ. Двѣнадцать бубенцовъ обозначали благовѣсть двѣнадцати апостоловъ и служили напоминачіемъ о запрещенномъ колокольномъ звонѣ. Среди особо чтимыхъ реликвій находилось полотенце съ двуглавымъ орломъ и надписью «Царь Михаилъ» и трехцвѣтное монархическое знамя съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца. Былъ и рядъ другихъ атрибутовъ, которые символизировали для краснодраконовцевъ скорое паденіе сов. власти («Безб. у станка» № 13, 1931 годъ).

Аналогичную мистико-политическую концепцію развивала и широко распространившаяся въ причерноземномъ и черноземномъ районѣ секта Федоровцевъ. «Федоровцы», повидимому, совсѣмъ не «сектанты» съ церковной точки зрѣнія. Они считаютъ себя православными, свято блюдутъ всѣ церковныя постановленія, остаются церковными до конца. Сектантами называютъ ихъ большевики.

Напряженная безбожная жажда чуда, чуда рожденія новаго міра, новой породы людей, новой дѣйствительности странно встрѣтилась съ религіозной жаждой чуда, ожиданіемъ вмѣшательства сверхчеловѣческихъ силъ, съ жаждой скорѣйшаго явленія силы пламеннаго меча архангела Михаила. Напряженіе религіознаго мистицизма соотвѣтствовало напряженію безбожнаго мистицизма. Все стало возможнымъ, реальнымъ въ этой странной и страшной интерференціи противоположныхъ духовныхъ волнъ... «Трезвые», «раціоналистичные» коммунисты оказались столь же эсхатологичными, какъ и «темные», оболыщенные» вѣрующіе... Ширились слухи о «явленіяхъ», «знаменіяхъ», появились «грамоты Бога, писанныя золотыми чернилами». Въ «Безбожникѣ» (отъ 5 апр. 1930 г.) былъ напечатанъ любопытнѣйшій рассказъ — бытовая сценка — лучше всякихъ словъ иллюстрирующая господствовавшія настроенія.

«Недавно, — повѣствуетъ этотъ набросокъ: — всѣ дома города Петровска, Аткарскаго округа, Нижеволжскаго края обходили два незнакомыхъ старца и сообщали жителямъ потрясающую вещь:

«По случаю закрытія церковей по Руси святой, Иисусъ Христосъ посылаетъ на нашу грѣшную землю антихриста. Онъ на улицахъ защекочетъ всѣхъ людей, не имѣющихъ на себѣ креста, выбросившихъ изъ своего бытія иконы и не посѣщающихъ храма Господня».

Жители, н а т у р а л ь н о, всполошились, понадѣвали кресты, понакупили иконъ и переполнили церкви. Служеніе въ нихъ, въ связи съ прибытіемъ щекотуна въ городъ Саратовъ, защекотавшаго тамъ буквально всѣхъ большевиковъ, шло каждый вечеръ. Обыватели провинціального города сыпали въ кружки несмѣтное число серебра, ставили рублевья свѣчи «Матушкѣ-Заступницѣ», настойчиво требовали отъ священниковъ, чтобы они въ своихъ молитвахъ просили у Христа прощенія и отстрочки жуткой кары, но духовные отцы дрожащими голосами сообщали: «Поздно, грѣшники, поздно. Просите теперь уже сами, будьте щедры къ Господу».

Жители окончательно вывернули свои карманы, переполнили кружки мѣдяками, рублевыми бумажками, уничтожили всѣ дорогія свѣчи, но, увы и ахъ, — Христосъ принципиально не смилвался. Дней черезъ десять, по словамъ мѣстныхъ религіозниковъ, съ неба былъ слышенъ голосъ Христа:

— Антихристъ Гормунъ. Оставь Саратовъ и немедленно переселись карать грѣшниковъ восточнѣе, въ Петровскъ.

Въ эту же ночь, ровно въ 12 часовъ, на улицахъ захоластнаго города появился антихристъ, во всемъ бѣломъ и защекоталъ на первыхъ порахъ до полусмерти 10 человѣкъ.

На слѣдующее утро многіе обыватели на улицу не выходили, школьники за неимѣніемъ крестовъ, не явились въ учебныя заведенія, а когда стало смеркаться, піонеры категорически отказались отъ всѣхъ занятій въ своихъ клубахъ, базахъ, уголкахъ и заранѣе удрали домой.

Черезъ нѣсколько часовъ наступила ночь жуткая. На каланчѣ пробило 12, и на темныхъ улочкахъ, разбѣжавшихся и впрямь и вкось, снова появился антихристъ-щекотунъ. Первой его жертвой былъ возвращавшійся съ вокзала, Зиновьевъ, секретарь райсовѣта СвБ, коего посланникъ Христа защекоталъ также до полусмерти. На этомъ же мѣстѣ антихристу попался дежурный милиціонеръ, открывшій по щекотуну стрѣльбу изъ «нагана». Но пули, рассказываютъ старушки, отлетали прочь отъ антихристовой одежды, а онъ вовсе невредимый, не желая вступать въ бой съ вооруженнымъ большевикомъ, удалился на окраину города. Здѣсь долго слонялся безъ дѣла не пришлось. Щекотунъ смертно схлестнулся съ проходившимъ комсомольцемъ. Парень оказался неимовѣрно здоровымъ, сильнымъ, какъ быкъ. Шесть разъ онъ сбивалъ антихриста съ ногъ. Потомъ,

наконецъ, собравшись съ силами, ляпнулъ щекотуна по носу, отъ чего тотъ замертво повалился въ снѣгъ и черезъ полчаса на земномъ извозчикѣ съ усиленнымъ конвоемъ и расквашеннымъ носомъ былъ доставленъ въ отдѣленіе милиціи.

— Кто же этотъ антихристъ? — съ нетерпѣніемъ спросить нашъ читатель.

Обыкновенный человекъ — мѣстная руководительница секты баптистовъ — мать Афросинья, которая пыталась такимъ образомъ напугать безбожниковъ, но... всыпалась и получила 10 лѣтъ Соловковъ». («Безбожникъ» № 19, 5. IV. 1930 г.).

Деревенская Русь пыталась разобраться въ сложности нахлынувшихъ проблемъ, вопросовъ, противорѣчій новой жизни, тревожно металась отъ одной крайности къ другой, мучительно и упорно искала выходовъ, боролась за свое физическое существованіе. «Совѣтская общественность» — коммунистическая прослойка деревни во главѣ съ новой совѣтской интеллигенціей, подсказывала ей свои выходы, административный и партійный аппаратъ давилъ на деревню, «изолировалъ», уничтожалъ, раззорялъ, «ликвидировалъ» тѣхъ, кто могъ быть «вождями», могъ помочь разобраться, организовать для сопротивленія. «Кровь за кровь и жизнь за жизнь» — ставки въ этой борьбѣ.

Единоличное хозяйствованіе зажато въ такіе тиски налогового пресса всевозможныхъ «самооблаженій» и «добровольныхъ» подписокъ на разнообразнѣйшіе займы, такъ ущемлено — въ смыслѣ возможности пріобрѣсти какія бы-то ни было необходимо-нужныя въ хозяйствѣ и для хозяйства вещи, что при неустанномъ «трудѣ, потѣ и постѣ» все «уходить въ прорву», все — подъ разными предлогами и въ разныхъ формахъ — «добровольно» сдается государству. При попыткѣ «не сдать добровольно» «мобилизованная совѣтская общественность» въ видѣ «ударныхъ хлѣбозаготовительныхъ бригадъ» изъ мобилизованныхъ для ликвидаціи прорывовъ пионеровъ, комсомольцевъ, студентовъ, рабочихъ разыщетъ припрятанное, «выявить излишки», реквизируетъ ихъ, а самого несчастнаго единоличника, какъ злостнаго «кулака» и «вредителя», «ликвидируетъ», отправивъ на одну изъ безчисленныхъ «заготовительныхъ работъ». Вступленіе въ колхозъ по крайней мѣрѣ, хотя до нѣкоторой степени, гарантировало отъ всякихъ неожиданностей, связанныхъ съ политикой «ликвидации кулачества, какъ класса». Кромѣ того «обобществленіе хозяйства» несло облегченіе налогового гнета и уменьшеніе ярма всевозможныхъ «натуральныхъ» повинностей, такъ какъ въ цѣляхъ поощренія къ добровольному вступленію въ колхозы, молодымъ колхозамъ былъ предоставленъ рядъ значительныхъ льготъ и преимуществъ.... Извѣстное значеніе имѣло и убѣжденіе, что «закабеляясь въ колхозъ», «становясь батра-

комъ государства» человекъ тѣмъ самымъ приобретаетъ право на обязательный государственный паекъ, переходитъ на государственное иждивеніе, и власть обязана во что бы то ни стало прокорми его...

Колхозы, «обобществленіе хозяйства», «побѣдное движеніе страны въ сторону осуществленнаго социализма» на практикѣ превратились въ одно изъ наиболѣе неожиданныхъ средствъ мимикріи — приспособительной защитной окраски.

Послѣ прекращенія насильственной коллективизаціи довольно опредѣленно обозначалась тяга крестьянства въ колхозы, «волна» добровольной коллективизаціи. «Соціальный секторъ деревни» сталъ быстро расти — на іюль 1931 года коллективизація охватила уже 55,1 проц. хозяйствъ въ СССР; въ планѣ осенней посѣвной компаніи этого года отмѣчено увеличеніе «соціалистическаго сектора запашекъ» до 60 проц., а въ основныхъ зерновыхъ районахъ (Поволожье, Украина, Кавказъ) до 87 проц.

Крестьянство въ значительной мѣрѣ приспособило форму колхознаго строительства — «грандіозной соціалистической передѣлки деревни» къ своимъ надобностямъ, «спасаясь» въ колхозы отъ бичей и скорпіоновъ этой грандіозной передѣлки.

Въ сущности взаимоотношенія между «соціалистическимъ государствомъ» и «страной, осуществляющей социализмъ подъ руководствомъ компартіи» въ основномъ сводятся къ тому, что крестьянство всѣми силами «ловчится» «укрыться», «убѣжать» отъ тягла социализма, а власть изоцряется въ изобрѣтеніи способовъ нажима, переключенія «на соціалистическія рельсы», уловленія деревни въ сѣти соц.-строительства. Особенно ярко природа взаимоотношеній сказалась въ борьбѣ за хлѣбъ и рабочую силу.

Съ наступленіемъ осени когда «соціалистическій секторъ» долженъ былъ «лечь костью» во свидѣтельство своей «соціалистичности и преданности», въ совѣтской печати почти ежедневно стали появляться тревожныя замѣтки. «Темпы хлѣбозаготовокъ явно неудовлетворительны. Шестая рѣшающая пятидневка октября дала подъемъ только на 4 проц». Причина отставанія самая не «соціалистическая»: «Колхозъ имени Ленина — беремъ случай съ колхозомъ, имѣющимъ столь многозначительное наименованіе, какъ очень типичный случай для всей линіи колхозовъ — изъ обмолоченнаго хлѣба сначала забронировалъ дутые хлѣбъ — фуражные фонды, а потомъ, какъ заявили правленцы, «чтобы не прицѣпились» продали нѣсколько килограммовъ хлѣба государству». «Рядъ колхозовъ Будекошелевского района, слѣдуя указаніямъ райколхозсоюза, пошелъ по линіи гнуснѣйшаго обмана партіи,

составляя фуражно-кормовые фонды съ преувеличенными потребностями, куда включался несуществующій скоть и будущіе колхозники». («Комсом. Правда», 10. XI, 1931 г.). «Дирекція Бжедуховскаго совхоза при составленіи хлѣбнаго баланса укрыла отъ государства 700 центеровъ зерна». «Въ колхозѣ имени Буденнаго обнаружены забронированными на всякій случай 1000 центеровъ хлѣба» («Комс. Правда», 8. XII, 1931 г.).

Даже деревенскій комсомоль — это око партіи и ея вѣрный слуга — исполнитель «предначертаній», безотказно содѣйствовавший партіи въ ея «нажимахъ» на деревню, на «кулака», въ этой великой борьбѣ за хлѣбъ началъ измѣнять. Дѣло доходитъ до того, что «комсомольцы даже защищаютъ кулаковъ, говоря, что они не могутъ выполнить заданій» («Комс. Правда», 10. XI. 1931 г.).

Комсомоль въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ солидаризировался съ колхозами въ ихъ самозащитѣ, что пришлось «снимать» секретарей райкомовъ и даже распускать коллективъ Наркомснаба Бѣлоруссіи («Комс. Правда», 10. XI). Потребительскія — «ѣдоцкія» — настроенія рѣшительно оказались преобладающими и господствующими. Колхозы никакъ не хотятъ принять директивы «сѣсть на полуголодную норму, а социализмъ проявить». «Соціалистическій секторъ» «безъ заявленной энтузіазма», но очень «въ серъезъ и рѣшительно» выдвинулъ — въ отвѣтъ на «четкія линіи плановъ» партіи — не менѣе четкіе и гораздо болѣе реальные и понятные для деревни лозунги: «зерно колхозамъ — солому государству» («Комс. Правда», 10. XI).

Крестьянское использование совѣтскаго рецепта «немедленнаго социализма въ деревнѣ» для цѣлей самозащиты, для укрытія отъ этого самаго социализма еще яснѣе выступаетъ въ той борьбѣ, какую соц. государство ведетъ со своими «охваченными волной энтузіазма соцстроительства» «форпостами социализма въ деревнѣ» на почвѣ желанія «мобилизовать» рабочую силу колхозовъ для нуждъ фабрично-заводской промышленности. Власть всячески пытается «разгрузить колхозы», «раціонализировать» — согласно плану — «обслуживаніе колхозовъ рабочей силой», колхозники упорно не хотятъ отпускать своихъ рабочихъ, подъ всевозможными предлогами «сиднемъ сидятъ» въ колхозныхъ окопахъ. «Въ дни XVII МЮД'а — рассказываетъ «Комс. Правда» — силами комсомольской организациі Витебска были пущены трансмиссіи новаго социалистическаго гиганта, вошедшаго въ строй 518 — чулочно-трикотажной фабрики имени КИМ. Къ концу 1931 г. фабрикѣ нужны 4 тысячи рабочихъ, къ концу 1932 года — 7 тысячъ. На сегодня — (24 ноября 1931 года) фабрика рабочей силой не обез-

печена. У машинъ занято всего 900 человекъ. Фабрика должна получить рабочую силу изъ колхоза. Выборъ палъ на колхозъ им. тов. Сталина. Въ этотъ колхозъ отправилась бригада «Комс. Правды», горкома комсомола, райколхозсоюза, фабком КИМ. Правленіе колхоза долго упорно сопротивлялось организациі отходничества, не желая отпускать лишнюю рабочую силу въ городъ на постройки и предпріятія. «Вы просчитаетесь, если думаете получить въ колхозъ рабочую силу, у насъ и такъ ея не хватаетъ въ уборкѣ, не выходимъ изъ прорывовъ» — таковы были первыя слова пред. кол. т. Казаченко, встрѣтившаго бригаду. Восемнадцать дней трудились». («Комс. Правда», 24. XII. 31 г.). Пришлось организовывать учеты и переучеты трудней, составлять всякія нормы и планы, прибѣгнуть къ «добровольному самообязательству», ввести сдѣльщину, словомъ, использовать весь арсеналъ «энтузіазма самозакрѣпленія», чтобы справиться съ непокорнымъ колхозомъ.

Приказы «ликвидировать обезличку», «ввести сдѣльщину въ колхозахъ», бороться съ «уровниловкой» — все это моменты великой всероссійской борьбы крестьянства съ властью путемъ использованія формъ соцстроительства для преодоленія проводимаго властью соцстроительства. Въ порядкѣ «бытового овладѣнія» колхозы и совхозы оказались удобной формой для сопротивленія плану осчастливить деревню разомъ и полностью, заставивъ ее «прыгнуть» въ социализмъ.

Но колхозы были и факторами д у х о в н а г о п о р я д - к а ; они должны были быть могучимъ средствомъ «соціалистическаго перевоспитанія» деревни. Человѣческой матеріаль, охваченный колхозами, черезъ колхозъ — по замыслу создателей колхозовъ — подвергается «соціалистической переработкѣ». Основная установка колхознаго строительства въ духовномъ, въ частности религіозномъ, отношеніи была опредѣлена ясно — «ликвидируя кулачество какъ классъ, необходимо разбить и его идеологическія вышки — религіозныя организациі... Такъ къ этому подходятъ всѣ передовые слои колхозниковъ». («Бѣднота» 17.I.31). Измѣненіе линіи партіи по отношенію къ методамъ коллективизациі, осужденіе «искривленій и загибовъ» по отношенію насильственной коллективизациі отнюдь не измѣняло основной линіи отношенія къ религіи, ни въ коемъ случаѣ не должно было вести къ смягченію борьбы противъ вѣры. Ни о какомъ измѣненіи партійной линіи рѣшительной и беспощадной борьбы съ религіей не можетъ быть и рѣчи», — писалъ «Безбожникъ» (25. V) послѣ появленія циркуляра ЦК ВКП(б). 15-го марта, осуждавшаго, между прочимъ, недопустимыя искривленія партійной линіи въ области борьбы съ религіозными предрасудками. Признавалось необходимымъ

измѣнить тактику, отказаться отъ упрощеннаго пониманія борьбы съ религіей, указывалось, что борьба «требуется выдержки, знанія врага, умѣнія разбираться въ обстановкѣ», но основная задача борьбы съ религіей увязанной съ «задачами грандіозной социалистической передѣлки деревни» оставалась въ силѣ, по-прежнему была «духомъ идеи» колхознаго строительства...

За освоеніемъ колхозовъ, какъ средства спасенія отъ окончательнаго раззоренія, отъ безысходной матерьяльной нищеты должна была послѣдовать попытка преодолѣнія духа идеи колхоза, попытка «освоенія» въ желательномъ направленіи, или, по крайней мѣрѣ, нейтрализаціи вліянія и дѣйствія этого духа идеи... Эта внутренняя борьба, борьба въ мелочахъ въ «клѣточкахъ» быта, повседневной жизни и составляетъ главную характеристику духовной жизни Россіи въ послѣдніе полтора года.

Вѣра и невѣріе не двѣ различныхъ духовныхъ установки, а два различныхъ міра, два порядка и строя жизни, два онтологически разнокачественныхъ бытія...

Жизнь распалась на ряды разноприродныхъ жизней. Пространственно они сосѣдствуютъ одна съ другой, пересѣкаются, даже связаны узами физическаго родства, внутренне же отрицаютъ другъ друга послѣднимъ метафизическимъ разнокачественіемъ, которое глубже и сильнѣе всѣхъ человѣческихъ связей и усилій, въ которомъ самъ человѣкъ уже не властенъ... Создана страшная духовная черезполосица, гдѣ въ прихотливомъ и случайномъ сплетеніи глядятся другъ въ друга, одна другую внутренне не видя, двѣ, страшно близкія обратнымъ сходствомъ и вмѣстѣ до полярности далекія, чуждыя, расколотаы половины когда-то единаго народнаго лика...

«Пасха... Суконные пиджаки, кепки, надвинутыя на ухо, желтые, городского типа штиблеты. У дѣвушекъ — цвѣтныя и бѣлыя батистовыя платья, банты на груди, панамки и бѣлыя туфельки. Горланя пѣсни, не въ ладъ, «на крикъ», покачиваясь отъ угара, люди встрѣчаютъ другихъ, говорятъ: «Христось воскресе» и начинаютъ цѣловаться. — Комиссаръ что-ли? — кричатъ мнѣ вслѣдъ.... — Ну-кось иди, похристосуемся...

Появились бродячія труппы бывшихъ поповъ и монаховъ. За ними высылаютъ подводы, даютъ авансомъ полсотни или сотню рублей. Пріѣдетъ такой монахъ или попъ, пропоетъ обѣдню, обойдетъ дома съ крестомъ, сшибетъ, какъ говорится, «копѣчку съ конькомъ», насобираетъ яиць, масла и на тѣхъ же крестьянскихъ лошадахъ ѣдетъ до ближайшей станціи. Кто эти попы гастролеры — едва ли знаютъ сами крестьяне. Вѣра и безвѣріе живутъ рядомъ и сплетаются между собой. Нынче человѣкъ не вѣритъ, доходитъ до отрицанія всякой святости, всенародно

жжетъ иконы на кострѣ, а проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ — и онъ же цѣлуетъ иконы, теплитъ свѣчи, складываетъ руки подѣ благословеніе попу. Настроенія смѣняются одно другимъ. Бурлитъ стронутая и еще не устоявшаяся жизнь». (Артамоновъ «Жизнь бурлитъ», «Безб. у станка», май 1930 г.). «Рядомъ въ колхозѣ, продолжаетъ тотъ-же авторъ, на поляхъ рокочуть тракторы, вспахивая землю подѣ яровыя культуры. Протравливаютъ формалиномъ зерно, готовя къ сѣву. Раздѣлываютъ садъ и огородъ. Посылаютъ бригады рабочихъ на контракцію картофеля для винокуренного завода. Здѣсь мы ходимъ по полямъ, смотримъ весеннюю работу, кормимъ лошадей и ѣдемъ дальше. И опять по деревнямъ — гульба и батистъ и высокіе каблуки, и выпивка, и, однимъ словомъ, — пасха.

Вся деревня въ полѣ. Это коммуна «Серпъ и молотъ» — въ прошломъ деревня Никулино. Здѣсь, несмотря на пасху, трудовое кипѣніе. На поля тянутся обозы съ навозомъ, дѣвицы раскидываютъ его вилами, дальше идутъ плуги, за ними бороны. Мы подѣѣзжаемъ къ деревнѣ. Бывшія гумна распаханы вплоть до омшанниковъ. Сносятъ овины, сараи. Въ деревнѣ стукъ топоровъ, молотовъ, бревенъ — строятся общественныя зданія.

Эта замѣчательная коммуна, едва не лучшая во всемъ Тверскомъ округѣ. Зимой здѣсь вывезли на полѣ и сожгли всѣ иконы. Пасху не праздновали, съ перваго дня идетъ работа въ полѣ.

Развернулось большое строительство: строятся сараи для скота, склады, дѣтскій домъ, школа, построены мастерскія, столярная кузница, навезенъ лѣсъ для общественной столовой.

Коммуна въ сто съ лишнимъ дворовъ строить жизнь на новый ладъ. И работа идетъ дружно. Всѣ спаяны общимъ желаніемъ» («Безб. у станка», май 1930 года).

Замѣтка написана пропагандистомъ и для цѣлей пропаганды, тѣни и свѣтъ нарочно положены рѣзко и подчеркнута. Но основное — расколотасть духовнаго лика деревни, духовная разнокачественность двухъ половинъ когда-то единаго лика, остро чувствуется даже сквозь гримъ пропаганды. Жизнь полна контрастовъ противорѣчій. Особенно въ глубинѣ деревни. Тамъ, гдѣ духъ идеи колхоза побѣждаетъ, начинается вывѣтриваніе прежняго. Трудно сказать, какъ долго можетъ продолжаться этотъ процессъ *внутренняго* «сжиганія иконъ», насколько глубоко онъ зайдетъ, долго ли будетъ духовно насыщать пробужденная жажда строительства, возбужденіе новизны... Вѣроятно все же, что энергичный процессъ вывѣтриванія прежняго, вѣкового, религіознаго — характеренъ только для начальныхъ стадій, когда разрушаются, расслабляются навыки, привычки, взгляды, — пріобрѣтенные самимъ человекомъ, словомъ, пока дѣло касается того, что можно назвать «эмпириче-

скимъ характеромъ», По мѣрѣ же того, какъ вывѣтриваніе духовныхъ основъ и истоковъ жизни будетъ доходить до болѣе глубокихъ слоевъ человѣческой личности, до тѣхъ слоевъ, гдѣ челоѣкъ хранитъ въ себѣ сгущенную, но актуальную нерасчлененность всего минувшаго, все наслѣдіе жизни предковъ, оно будетъ замедляться, ослабѣвать и, можетъ быть, совсѣмъ прекратится, не затронувъ основныхъ глубинъ «метафизическаго характера» челоѣка. Въ этомъ есть проблескъ надежды на выздоровленіе, но пока — пока у тѣхъ, кѣмъ овладѣлъ колхозъ, происходитъ энергичное отталкиваніе отъ прежняго — ими владѣетъ лихорадка освобожденія отъ всего стараго, что-то нудитъ ихъ скорѣе выбросить всѣхъ старыхъ боговъ «на свалку».

Эти не выдержали, соблазнились. Но значительная часть крестьянства не только выдержала давленіе «конститутивной идеи» колхозовъ, но постепенно овладѣваетъ колхозами, — какъ *новой формой* организаціи труда и быта — и идеологически, въ формахъ колхоза ищетъ осуществленія религіозной правды, пытается «построить социализмъ съ Богомъ».

Безбожники изображаютъ этотъ процессъ перерожденія духа колхозовъ, какъ борьбу «религіозниковъ» противъ соцстроительства, обвиняютъ вѣрующихъ въ попыткахъ «развалить колхозъ». Но повидимому происходитъ другое — религіозники даютъ свое идеологическое содержаніе колхозному строительству: въ новой социальной формѣ возрождается и обновляется духъ и сила вѣкового духовнаго опыта, колхозы получаютъ христіанское истолкованіе и обоснованіе. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, колхозы, какъ замыселъ и средство, «грандіознаго социалистическаго переустройства деревни» — «развалены религіозниками, дѣеспособность ихъ, какъ факторовъ социалистическаго перевоспитанія въ духѣ безбожія ослаблена, а, можетъ быть и совсѣмъ убита.

О «соблазненныхъ», не выдержавшихъ, не устоявшихъ въ этой тяжбѣ «съ духомъ идеи колхозовъ» и «побѣждающихъ», сумѣвшихъ освоить колхозы и духовно—разскажемъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

И. Лаговскій.